

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТЕРРИТОРИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПРЕДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА

В.Б.Ибрагимов

*Институт геологии НАН Азербайджана
AZ1143, Баку, просп. Г.Джавида, 29А*

Предметом анализа в настоящей статье являются следующие положения: трактовка понятия «государственная территория» и определение пространственного предела распространения суверенитета государства с позиций законодательства Азербайджанской Республики и международного права. Рассматриваются все составные части государственной территории: суша, водные объекты (в том числе принадлежащая Азербайджанской Республике часть акватории Каспийского моря и состояние проблемы определения ее международно-правового статуса), воздушное пространство над ними и недра под ними. Предлагается новая редакция ряда правовых норм (в том числе норм-дефиниций) национального законодательства.

По известным причинам вопросы, связанные с «территориальной целостностью», «территориальными претензиями», «территориальным верховенством власти» и др., находятся в центре внимания общественности и широко обсуждаются в научной литературе и средствах массовой информации. Очевидно, все они вытекают из содержания одной фундаментальной правовой категории «государственная территория», которая, согласно международному праву, представляет собой «пространство, в пределах которого государство осуществляет верховную власть (суверенитет)» (Игнатенко и Тиунов, 2008). Правовой режим этой территории, как правило, устанавливается внутренним законодательством государства и включает в себя также правила, предусмотренные международными договорами с его участием.

Учитывая актуальность проблемы, предметом анализа в настоящей статье будут следующие положения: трактовка понятия «государственная территория» и определение пространственного предела распространения суверенитета государства с позиций законодательства Азербайджанской Республики и международного права.

1. Государственная территория Азербайджанской Республики

Согласно части 2 статьи 11 Конституции Азербайджанской Республики, «внутренние воды Азербайджанской Республики, при-

надлежащий Азербайджанской Республике сектор Каспийского моря (озера), воздушное пространство над Азербайджанской Республикой – составные части территории Азербайджанской Республики».

При анализе этой правовой нормы сразу же обращает на себя внимание следующая деталь: среди составных частей территории нашего государства не указаны суша и недра. Странно. Получается, что территория Азербайджанской Республики состоит только из водного и воздушного пространств. Это все равно, что сказать: ствол и корни – составные части дерева, или окна, крыша и труба – составные части дома, или Солнце, Земля и Меркурий – составные части Солнечной системы. Перечень примеров можно продолжить, но и так понятно: подобные «определения» отличаются неполнотой (из-за отсутствия одного или нескольких существенных признаков) и не позволяют получить четкое и исчерпывающее представление об определяемом объекте как целостном объекте, обладающем совокупностью характерных только для него свойств и качеств.

Чтобы быть «целостным объектом», государственная территория должна включать в себя сушу и недра. Только в этом случае, как подсказывают элементарная логика и здравый смысл, она может считаться «единой и неделимой» (часть 1 той же статьи 11 Конституции Азербайджанской Республики, статья 14 Конституционного Акта Азербайджанской Респуб-

лики «О государственной независимости Азербайджанской Республики» от 18.10.1991 г. №222-ХП). Но не будем полагаться только на логику и здравый смысл, обратимся за подтверждением нашей «гипотезы» к юридической литературе, международному праву и иным нормативным правовым актам национального законодательства.

В авторитетном справочнике «Правовой режим минеральных ресурсов» (Арбатов, Аренс и др., 2002) в совокупность компонентов государственной территории включены: поверхность районов суши, пресноводных (реки, озера, пруды и т.п.) и морских водоемов (внутренние морские воды, территориальное море) в пределах государственных границ данного государства, воздушное пространство над этими сухопутными и водными районами, а также недра, лежащие под этими районами. Аналогичное определение дает «Большой юридический словарь» (Сухарев, 2007) с той лишь разницей, что здесь суша и недра сведены в одну группу под названием «материковые (континентальные) и островные сухопутные образования вместе с их недрами», а пресноводные и морские водоемы в другой группе объединены одним родовым термином «водные пространства».

Согласно международному праву, сухопутное пространство как часть государственной территории включает сушу (в том числе острова) в пределах государственных границ (Игнатенко и Тиунов, 2008), а находящиеся под сухопутной и водной территорией государства недра также входят в состав его территории без каких-либо ограничений по глубине (Ушаков, 1990), т.е. находятся под его суверенитетом (Дудыкина, 2008). Такой подход к недрам как составной части территории государства практиковался ранее в СССР (см. договоры СССР о режиме государственной границы с Финляндией, КНДР и Монголией), а в настоящее время используется в Российской Федерации, как это следует из заключенных ею договоров о государственной границе с Китаем, Литвой и Украиной (Кокин, 2008).

Справедливости ради следует отметить, что относительно недр существует и другая позиция, обозначенная в научной литературе. Так, в 6-м издании «Курса меж-

дународного права» Л.Оппенгейма (под ред. Лаутерпахта) утверждается, что «государственная территория – это та определенная часть *поверхности* земного шара (definite portion of the surface of the globe), которая подчинена суверенитету государства» (Oppenheim, 1947). Автор не относит «территориальные недра» (the territorial subsoil) к компонентам государственной территории, хотя признает, что «по универсально признанному правилу права народов недра до неограниченной глубины (the subsoil to an unbounded depth) принадлежат государству, которое владеет территорией над ними». Однако, эта точка зрения не получила в дальнейшем достаточного обоснования в международном праве. Возобладал другой подход, который объединяет в одном известном принципе (*cujus est solum est usque ad caelum et ad inferos*) права государства на недра (с определенными ограничениями по глубине или без таковых) и воздушное пространство над государственной территорией (Броунли, 1977).

Автор «Комментария к Конституции Азербайджанской Республики» (Сəfərov, 2004), анализируя правовую норму ч. 2 ст.11 этой Конституции, перечисляет составные части государственной территории в следующей последовательности:

- суша в пределах границы Республики (respublikanın sərhədi daxilində olan quru hissə);
- внутренние воды (daxili sular);
- прибрежные или территориальные воды шириной 12 морских миль (12 dəniz mili enində sahil və ya ərazi suları);
- пограничные реки и озера (sərhəd çayları və gölləri);
- воздушное пространство над сухопутной и водной поверхностью в пределах границы Азербайджанской Республики (Azərbaycan Respublikasının sərhədi daxilində olan yer səthi və su üzərində olan hava boşluğu).

Правильно указаны в составе государственной территории «внутренние воды», «территориальные воды», под которыми понимается принадлежащий Азербайджанской Республике сектор Каспийского моря (озера), и «воздушное пространство» (терминологически грамотно вместо «...над Азер-

байджанской Республикой» использовано выражение «...над сухопутной и водной поверхностью в пределах границы Азербайджанской Республики»). Вместе с тем не совсем корректно: а) выделены в отдельную группу «пограничные реки и озера», поскольку они, согласно общепринятому определению (Сухарев, 2007) и международному праву (Игнатенко и Тиунов, 2008), являются составной частью внутренних вод, т.е. всего водного пространства территории государства, за исключением территориальных вод (территориального моря); б) добавлена «суша» к составным частям государственной территории, перечисленным в анализируемой правовой норме Конституции Азербайджанской Республики. В последнем случае автор, по-видимому, усмотрел пробел в законодательстве (который, на наш взгляд, действительно имеет место. – В.И.) и решил таким вот необычным образом «исправить ситуацию», что является юридически неправомерным действием. Конституция, как известно, обладает наивысшей юридической силой среди всех нормативных правовых актов государства и никто не вправе ни изменять, ни дополнять или расширительно толковать какую-либо из ее исходных правовых норм, которые носят императивный характер (Бошно, 2004).

В аналогичном Комментарий к Конституции Российской Федерации Л.А.Окуньков корректно перечисляет все составные части государственной территории: суша, недра, водное пространство (внутренние воды и территориальное море), воздушное пространство. При этом он находит нужным особо подчеркнуть, что «находящиеся под сухопутной и водной территорией России недра также входят в состав ее территории без каких-либо ограничений по глубине». Однако другой российский ученый-юрист Н.А.Ушаков, упоминая недра в составе государственной территории, вводит применительно к ним ограничение по глубине: «недра Земли на технически доступную глубину в пределах сухопутных и водных просторов государственной территории также находятся под суверенитетом данного государства» (выделено нами. – В.И.). Более подробно этот вопрос, связанный с определением подземного

предела распространения суверенитета государства, будет рассмотрен ниже в соответствующем разделе статьи.

Внешние пределы государственной территории обозначаются линией государственной границы, устанавливаемой в соответствии с заключенными с сопредельными государствами соглашениями либо на основе исторически сложившихся традиций (Сухарев, 2007). Поэтому логичным будет за разъяснением позиции законодателя относительно содержания понятия «государственная территория» обратиться к Закону АР «О государственной границе Азербайджанской Республики» от 9.12.1991 г. №13.

В статье 1 указанного законодательного акта приведена правовая дефиниция понятия «государственная граница» в следующей редакции: «Государственная граница Азербайджанской Республики – это линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющая пределы государственной территории (суши и водной территории, недр, морского и воздушного пространства) Азербайджанской Республики. Государственная граница Азербайджанской Республики – территориальный предел государственного суверенитета Азербайджанской Республики». Здесь отмечены (пожалуй, впервые в национальном законодательстве) все составные части государственной территории: суша, водная территория, недра, морское и воздушное пространство. На первый взгляд, все правильно. Однако при более детальном анализе легко можно заметить некоторые терминологические погрешности. Во-первых, «морское пространство», под которым, очевидно, понимается принадлежащий Азербайджанской Республике сектор Каспийского моря (озера), входит в состав «водной территории» нашего государства, т.е. всего водного пространства в пределах государственной границы. Другими словами, эти понятия связаны между собой *отношением подчинения*: объем первого понятия целиком входит в объем второго понятия, но не исчерпывает его (Гетманова, 2008). Поэтому их раздельное упоминание в качестве самостоятельных составных частей государственной территории Азербайджанской Республики,

по крайней мере, некорректно. Правильнее будет вместо них ввести в оборот один родовый термин – «воды» (как в аналогичной правовой дефиниции, изложенной в ст.1 Закона РФ «О государственной границе Российской Федерации» от 1.04.1993 г. №4730-1) или «водное пространство» или «водные объекты». Последний термин предпочтительнее других, т.к. он широко используется в отечественном водном законодательстве. В частности, «Водный Кодекс Азербайджанской Республики» от 26.12.1997 г. №418-1Г в статье 5 разъясняет, что «водные объекты – это внутренние воды Азербайджанской Республики и принадлежащий Азербайджанской Республике сектор Каспийского моря (озера)», которые в совокупности образуют водный фонд Азербайджанской Республики.

Во-вторых, то, что государственная граница Азербайджанской Республики определяет «...территориальный предел (ərazi hüdudu) государственного суверенитета Азербайджанской Республики», ясно из содержания первого предложения анализируемой правовой дефиниции. Поэтому предикатор «территориальный» в ее втором предложении никакой новой информации не несет. Правильнее будет заменить его на более значимый и информативный предикатор «пространственный», как это совершенно обоснованно сделано в статье 1 упомянутого выше Закона РФ «О государственной границе Российской Федерации».

Таким образом, мы определили (с необходимыми терминологическими уточнениями) все составные части государственной территории Азербайджанской Республики: суша, водные объекты, недра и воздушное пространство в пределах государственной границы Азербайджанской Республики. Ниже будет дан их более детальный анализ с позиций национального законодательства и международного права.

Внутренние воды

Внутренние воды – составная часть водных объектов Азербайджанской Республики. Согласно определению, это все водное пространство государственной территории, за исключением территориального моря (Суха-

рев, 2007). К внутренним водам, в частности, относятся воды рек, ручьев, озер, каналов и иных водоемов, в том числе пограничные воды в пределах границ государственной территории, а также воды, расположенные в сторону берега от исходных линий территориального моря, т.е. внутренние морские воды. В свою очередь, внутренние морские воды, согласно международному праву, включают в себя: а) воды портов до линии, соединяющей наиболее удаленные в сторону моря постоянные портовые сооружения; б) воды заливов, бухт, губ и лиманов, берега которых принадлежат данному государству до линии естественного входа, если она не превышает 24 морские мили (Игнатенко и Тиунов, 2008). Такие воды находятся под полным суверенитетом прибрежного государства, которое определяет как их правовой режим, так и порядок деятельности в них.

В Законе АР «О государственной границе Азербайджанской Республики» имеется специальная статья 6 под названием «Внутренние воды Азербайджанской Республики». Из содержания этой статьи следует, что законодатель под внутренними водами Азербайджанской Республики понимает:

«1) воды портов Азербайджанской Республики, ограниченные линией, проходящей через наиболее удаленные в сторону моря точки гидротехнических и других сооружений портов; 2) воды заливов и бухт, берега которых полностью принадлежат Азербайджанской Республике».

Очевидно, что это не внутренние воды, а (как следует из вышеприведенных определений) их составная часть – внутренние морские воды. Статья 6 по этой причине нуждается в корректировке. Если законодатель намеревался раскрыть здесь содержание понятия «внутренние морские воды», то статья должна называться соответственно – «Внутренние морские воды Азербайджанской Республики». Если же речь идет о «внутренних водах Азербайджанской Республики», как это следует из существующей редакции названия указанной статьи, то она должна быть дополнена первым абзацем следующего содержания: «Внутренние воды Азербайджанской Республики – это воды рек, ручьев,

озер, каналов и иных водоемов, в том числе пограничные воды в пределах границы государственной территории, а также внутренние морские воды, т.е. воды, расположенные в сторону берега от исходных линий территориального моря». А уже во втором абзаце следует дать описание внутренних морских вод – так, как это сделано в существующей редакции статьи 6: «К внутренним морским водам Азербайджанской Республики относятся...» (и далее по тексту статьи) – и заодно уточнить п.2 этого описания, чтобы привести его в соответствие с международным правом: «2) воды заливов, бухт и лиманов, берега которых полностью принадлежат Азербайджанской Республике до линии естественного входа, если она не превышает 24 морские мили» (дополнения к тексту статьи выделены нами – В.И.).

1.2. Принадлежащий Азербайджанской Республике сектор Каспийского моря (озера)

Принадлежащий Азербайджанской Республике сектор Каспийского моря (озера) – другая и очень важная составная часть водных объектов Азербайджанской Республики и, соответственно, государственной территории, вызывающая сегодня много вопросов – как терминологических, так и юридических, связанных с определением международно-правового статуса Каспийского моря (озера). Начнем с терминологии. Очень часто (в книгах, статьях и особенно в СМИ) термин «bölmə» в выражении «Xəzər dənizinin (gölünün) Azərbaycan Respublikasına mənsub olan bölməsi» (ч. 2 ст.11 Конституции АР) переводится на русский язык как «сектор» (в настоящей статье до этого места мы «по традиции» также использовали этот термин. – В.И.). Даже в некоторых нормативных правовых актах конституционный термин «bölmə» заменяется (!) на «sektor» (см., например, ст. 4.3.8 «Концепции национальной безопасности Азербайджанской Республики», утвержденной Распоряжением Президента АР от 23.05.2007 г. №2198). Конечно, это – неправильно. В геометрии «сектор» – это часть круга, ограниченная дугой и двумя радиусами. На практике – это участок, ограниченный радиальными линиями (Ожегов, 1988). Трудно

даже представить, что Азербайджану принадлежит некий сектор Каспийского моря (озера), ограниченный береговой линией и радиальными линиями, проведенными к какой-то точке (какой?) на срединной (или модифицированной срединной) линии моря.

В международном праве есть понятие «полярный сектор» моря. В состав государственной территории приарктических государств (России, Дании, Норвегии, Канады и США) помимо материковой части, прилегающих внутренних морских вод и территориального моря включаются земли и острова, находящиеся в их полярных секторах. Принято считать, что эти сектора находятся к северу от побережья этих государств между меридианами, проходящими по крайним точкам побережья и сходящимися в точке Северного полюса. Под «секторальным методом» в юридической литературе понимается «выделение части приполярных районов в сектор, представляющий собой треугольник, основанием которого является побережье прилегающего к этим районам государства, а вершиной – полюс» (Голицын, 1983). Очевидно, что этот метод не применим к Каспийскому морю (озеру). Поэтому в дальнейшем мы будем использовать применительно к нему другой, на наш взгляд, более точный термин «часть акватории».

Какой смысл вкладывается в понятие «принадлежащая Азербайджанской Республике часть акватории Каспийского моря (озера)» с юридической точки зрения? Попробуем выявить ближайший к нему легальный эквивалент в международном праве. Таким эквивалентом, по всей видимости, является понятие «территориальные воды (территориальное море)». Подтверждение этому находим в Законе АР «О государственной границе Азербайджанской Республики», в ст. 2 которого говорится: «Государственная граница Азербайджанской Республики, если иное не предусмотрено заключенными Азербайджанской Республикой межгосударственными договорами, обозначается: ...2) в Каспийском море – по внешней кромке *территориальных вод* Азербайджанской Республики» (выделено нами – В.И.).

Территориальные воды (территориаль-

ное море) по международному праву – это морской пояс, примыкающий к сухопутной территории и внутренним водам и находящийся под суверенитетом прибрежного государства (Игнатенко и Тиунов, 2008; Сухарев, 2007). Ширина этого пояса обычно не превышает 12 морских миль (12 n.mi), однако в отдельных случаях может быть меньше (например, для Греции – 6 n.mi, для Норвегии – 4 n.mi, для США, ФРГ и некоторых других государств – 3 n.mi) или больше этой величины. Отсчет его ширины производится: от линии наибольшего отлива или от условной линии внутренних морских вод или от прямых исходных (т.н. «базисных») линий, соединяющих выступающие в море точки морского побережья. Важно подчеркнуть, что в случае, если берега двух государств расположены один против другого или примыкают друг к другу, то в качестве разграничительной линии их территориальных вод (территориального моря) используется *срединная линия*. Она проводится таким образом, что каждая ее точка является равноотстоящей от ближайших точек исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря. Такой метод (точнее, его модификация – метод «модифицированной срединной линии») уже апробирован в известных российско-казахстано-азербайджанских соглашениях применительно к разграничению сопредельных участков дна Каспийского моря (озера).

Статья 5 Закона АР «О государственной границе Азербайджанской Республики» к территориальным водам Азербайджанской Республики относит: «1) воды Каспийского моря (в нашей терминологии: воды принадлежащей Азербайджанской Республике части акватории Каспийского моря (озера). – В.И.) в пределах границ между Азербайджанской Республикой и сопредельными государствами; 2) воды пограничных рек и иных водоемов от берега Азербайджанской Республики (наверное, правильнее будет: «... от их берегов, принадлежащих Азербайджанской Республике». – В.И.) до государственной границы с сопредельными государствами». Сразу же отметим явную понятийную ошибку в изложении этой правовой нормы. «Воды погра-

ничных рек и иных водоемов» входят в состав внутренних вод (см. определение, приведенное в предыдущем разделе) и никакого отношения к территориальным водам Азербайджанской Республики не имеют. Поэтому п. 2 ст. 5 указанного законодательного акта следовало бы исключить. Кроме того, границы в Каспийском море (озере) между Азербайджанской Республикой и сопредельными государствами, очевидно, не устанавливаются в одностороннем порядке. Для этого существует процедура делимитации, изложением которой целесообразно было бы дополнить анализируемую правовую норму: «Делимитация территориальных вод между Азербайджанской Республикой и государствами, побережья которых противостоят побережью Азербайджанской Республики или являются смежными с этим побережьем, осуществляется на основании международных договоров Азербайджанской Республики или норм международного права».

В некоторых научных работах высказывается мнение, что в состав территории нашего государства входит также *континентальный шельф*, примыкающий к внешней границе территориальных вод (Сәфərov, 2004). Более того, континентальный шельф объявляется исключительной собственностью Азербайджанской Республики даже в некоторых ее законодательных актах (см., например, ст. 2 Конституционного Закона АР «Об основах экономической самостоятельности Азербайджанской Республики» от 25.05.1991 г. №116-ХП, п. 1 ст. 10 Закона АР «О собственности в Азербайджанской Республике» от 9.11.1991 г. №256 - ХП). Попробуем внести ясность в этот вопрос, вызванный непониманием самого обсуждаемого объекта. Согласно определению, приведенному в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (ст. 76 части VI), «континентальный шельф прибрежного государства включает в себя морское дно и недра подводных районов, простирающихся за пределы его территориального моря на всем протяжении естественного продолжения его сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка или на расстояние 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря,

когда внешняя граница подводной окраины материка не простирается на такое расстояние». На базе этого определения сформулирована правовая дефиниция понятия «континентальный шельф» и в Федеральном Законе «О континентальном шельфе Российской Федерации» от 30.11.1995 г. №187-ФЗ. Но все дело в том, что в Каспийском море нет континентального шельфа. Согласно данным фундаментальной геологической науки, «в современной структуре земной коры Каспий представляет собой *внутриконтинентальную* (выделено нами. – В.И.) впадину с гетерогенным строением основания» (Хаин и Али-заде, 2005). Поэтому нет смысла искать здесь «подводную окраину материка». Даже если предположить, что континентальный шельф в этом водоеме существует, то он не мог бы быть включен в состав территории государства (и, соответственно, не мог бы стать его исключительной собственностью) по той простой причине, что, согласно международному праву, подобные объекты относятся к пространствам со смешанным правовым режимом, в пределах которых прибрежное государство осуществляет суверенные права только в целях разведки и разработки природных ресурсов (Игнатенко и Тиунов, 2008).

За пределами территориальных вод (территориального моря) находится т.н. *прилежащая зона* – пояс морского пространства шириной 24 n.mi, отсчитываемых от тех же исходных линий, от которых отмеряется ширина территориальных вод (территориального моря). Прилежащая зона не входит в состав государственной территории. Здесь прибрежное государство, согласно ст. 33 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., может осуществлять контроль, необходимый для: а) предотвращения нарушений таможенных, фискальных, иммиграционных или санитарных законов и правил в пределах его территории или территориального моря; б) наказания за нарушение этих правил, совершенное в пределах его территории или территориального моря. Правовой режим прилежащей зоны отечественным законодательством не установлен.

Рассмотрим теперь вопрос определения международно-правового статуса Каспийского моря (озера), не затрагивая его историю, кото-

рая достаточно подробно изложена в литературе (Мамедов, 2000; Мəммədov, 2000 и др.). В настоящее время он является предметом переговоров между представителями всех прикаспийских государств – Азербайджана (AZ), Российской Федерации (RU), Казахстана (KZ), Туркменистана (TM) и Ирана (IR), входящими в Специальную рабочую группу (СРГ), которая была создана в 1996 г. для разработки Конвенции о правовом статусе Каспийского моря (далее – Конвенция). На сегодняшний день существует только проект этой Конвенции, детальный анализ которого приведен в работе известного азербайджанского ученого-юриста Р.Ф.Мамедова (Мамедов, 2008).

Сразу же следует отметить, что, несмотря на длительный срок переговоров в рамках СРГ, между прикаспийскими государствами сохраняются серьезные разногласия. Это видно хотя бы из сопоставления позиций сторон относительно ключевых понятий проекта Конвенции (см. таблицу 1), что, естественно, сказывается на формулировке его отдельных статей. В частности, в статье 5 проекта Конвенции, представляющей для нас интерес с точки зрения территориальной принадлежности к Азербайджану части акватории Каспийского моря (озера), говорится: «Акватория Каспийского моря разграничивается на [внутренние воды, территориальные моря (AZ, KZ, TM)], [внутренние воды, национальные зоны (IR, RU*)], [зоны национальной юрисдикции (RU)], [рыболовные зоны (AZ, KZ, TM)], [национальные рыболовные зоны (IR)] и общее водное пространство». Здесь приняты следующие условные обозначения: 1) в разных квадратных скобках изложены несовпадающие или частично совпадающие между собой предложения сторон, указанных в круглых скобках; 2) знак * обозначает оговорку российской стороны: при условии отказа партнеров от «рыболовных зон» за пределами 15 n.mi от исходных линий. Условно в формулировке этой статьи можно выделить три части: «А» (то, что находится под суверенитетом государства), «В» (то, что относится, по всей видимости, к пространствам со смешанным правовым режимом) и «С» (общее водное пространство), «сумма» которых образует объем определяемого понятия.

В статье 6 проекта Конвенции, представляющей для нас интерес с точки зрения суверенитета над принадлежащей Азербайджану частью акватории Каспийского моря (озера), предлагается распространить суверенитет каждой Стороны «...за пределы ее сухопутной территории [и внутренних вод, если будет достигнуто согласие по их правовому режиму (RU)] на примыкающий морской пояс, называемый [территориальным морем (AZ, KZ, TM)], [национальной зоной (IR, RU*)], равно как на его дно и недра, а также воздушное пространство над ним». Предел распространения этого суверенитета (т.е. то, что понимается под термином «ширина». – В.И.) уточняется далее в статье 7: «1. Каждая Сторона устанавливает ширину своего [территориального моря (AZ, KZ, TM)], [национальной зоны (IR, RU*)], [зоны национальной юрисдикции (RU)] до предела, не превышающего [15 (RU)] морских миль, отмеряемых в соответствии с настоящей Конвенцией. 2. Внешняя граница [территориального моря (AZ, KZ, TM)], [национальной зоны (IR, RU*)] является государственной границей».

Из анализа содержания только трех затронутых нами статей 5-7 проекта Конвенции, сплошь состоящих из квадратных скобок (в которых отражены разные, порой прямо противоположные позиции сторон), следует, что существующие серьезные разногласия между прикаспийскими государствами не позволят в ближайшем будущем урегулировать международно-правовой статус Каспийского моря (озера). А пока последний юридически не определен и не отражен в международном договоре, ратифицированном сторонами, остается в силе «промежуточный» статус «принадлежащей Азербайджанской Республике части акватории Каспийского моря (озера)», установленный Азербайджаном в одностороннем порядке и закрепленный в его Конституции.

1.3. Воздушное пространство

Согласно международному праву, каждое государство обладает полным и исключительным суверенитетом над воздушным пространством, находящимся в пределах его сухопутной и водной территории (Игнатенко и Тиунов, 2008). Иначе говоря, воздушное пространство в указанных пределах является не-

отъемлемой частью территории государства. Его правовой режим определяется национальным законодательством, при этом государство должно следовать общепризнанным принципам международного права.

В соответствии с «Воздушным Кодексом Азербайджанской Республики» от 9.02.1994 г. (ст.1) «Воздушное пространство Азербайджанской Республики – это воздушное пространство над ее сухопутной и водной территорией, включая территориальные воды. Азербайджанская Республика обладает полным и исключительным суверенитетом над воздушным пространством как частью своей территории». А какой высотный предел распространения этого суверенитета? В международных отношениях данный вопрос в договорном порядке не урегулирован (Сухарев, 2007). Однако, сложилась обычно-правовая норма, согласно которой граница между воздушным и околоземным космическим пространством проходит на высоте минимальных перигеев орбит искусственных спутников Земли, т.е. на высоте 100-110 км над уровнем Мирового океана. Пространство выше этой границы не подпадает под суверенитет государств и считается открытым космосом.

1.4. Суша, недра

Суша (сухопутное пространство, сухопутная территория) и недра – составные части государственной территории в пределах ее границы. Этот казался бы неоспоримый факт соответствует нормам международного права (Игнатенко и Тиунов, 2008), но, к сожалению, не находит однозначного отражения в отечественном законодательстве. В частности, как было отмечено выше, ч. 2 ст. 11 Конституции Азербайджанской Республики не включает, а ст. 1 Закона АР «О государственной границе Азербайджанской Республики» включает эти компоненты в состав государственной территории. Что правильно? На наш взгляд, более правильной является правовая норма ст. 1 Закона АР «О государственной границе Азербайджанской Республики» (с учетом предложенных нами и рассмотренных выше терминологических уточнений. – В.И.), тем более, что она (в части, касающейся государственной территории) не претерпела изменений после вступления в силу Конституции Азербайджан-

ской Республики. Законодатель не усмотрел здесь наличия правовой коллизии, которая нам представляется более чем очевидной. Не углубляясь далее в дискуссию по этому поводу, перейдем к рассмотрению указанных компонентов государственной территории.

Понятие «суша», по-видимому, не нуждается в дополнительных комментариях. Что касается понятия «недра», то тут дело обстоит гораздо сложнее. В Законе АР «О недрах» от 13.02.1998 г. №439-Г (ст.1) его правовая дефиниция сформулирована следующим образом: «недра – часть земной коры, находящаяся под поверхностью земли или слоем почвы, ниже дна водных объектов (водоемов), простирающаяся до глубины, доступной для изучения и освоения, и состоящая из горных пород, минерально-сырьевых ресурсов, энергоносителей (нефть, газ и т.д.), природных и искусственных полостей, геологических и техногенных образований». Такое определение (кстати, заимствованное без достаточного осмысления и соответствующего критического анализа из российского одноименного Закона от 21.02.1992 г. №2395-1 с некоторыми изменениями редакционного характера. – В.И.) в юридической литературе оценивается как весьма противоречивое, дискуссионное и неоптимальное (Перчик, 2002; Певзнер, 2006).

Действительно, это так. Во-первых, что означают термины «поверхность земли» и «слой почвы» с юридической точки зрения и какова толщина («мощность») этих объектов? Законодатель не дает ответа на данный вопрос ни в упомянутом Законе, ни в других нормативных правовых актах отечественного законодательства. Между тем из геоморфологии известно, что поверхность Земли отличается исключительным разнообразием форм различного масштаба, происхождения и возраста (Бондарчук, 1949). Две основные черты, определяющие особенности рельефа любого участка земной коры, – разница высот поверхности и климат. Рельеф динамичен, он непрерывно изменяется, приобретая новые формы в результате действия как внутренних (эндогенных), так и внешних (экзогенных) геологических сил. Как в таких условиях учесть сложность и изменчивость рельефа земной поверхности и юридически точно определить, откуда (от какого уровня) начинаются недра в

подземном пространстве – не понятно. Аналогичное рассуждение применимо и к почвенному слою, который, согласно доктринальным определениям, представляет собой «поверхностный слой земли, характеризующийся плодородием» (Крассов, 2008). Толщина этого слоя, если он, конечно, остается нетронутым, колеблется от нескольких миллиметров до 2-3 м (Реймерс, 1990). Но ведь земля нещадно эксплуатируется, деградирует и теряет (полностью или частично) свое плодородие в результате воздействия водной и ветровой эрозии, переувлажнения и заболачивания, подтопления, засоления и осолонцевания, уплотнения и слитизации. В результате почвенный слой может вообще исчезнуть, что подтверждается статистическими данными. Например, в России площадь нарушенных земель достигает 1150,4 тыс. га, при этом ежегодно теряется более 1,5 млрд. т плодородного слоя земли (Дубовик, 2006). Таким образом, и в этом случае не удастся адекватно охарактеризовать анализируемый объект, находящийся в динамичном состоянии. Это и понятно: с юридической точки зрения никакое понятие не может быть «динамичным», – оно должно удовлетворять требованию точности и однозначности, предъявляемому законодательной техникой к юридической терминологии (Боголюбов, 1997).

Во-вторых, недра в правовой дефиниции упомянутого рамочного Закона представлены как «часть земной коры», что очень далеко от действительности. На самом деле структура недр включает в себя не только земную кору, но и другие важные компоненты – мантию и ядро Земли. Знают это и геологи – в любом учебнике по геологии приводится с разной степенью детализации именно такая структура (Короновский и др., 2007; Короновский и Ясаманов, 2003; Левитес, 1986 и др.), юристы, которые, как правило, ссылаются на данные геологической науки (Вылегжанин, 2007; Дудыкина, 2008), и даже ... дети (Исмаилова, 1995). Только законодатель выделяет из этой совокупности взаимосвязанных элементов целостной геосистемы «часть земной коры». Почему? В юридической литературе приводятся различные «разъяснения» такой позиции законодателя: понимание недр в «узком» смысле (Коккин, 2005), акцентирование внимания на хо-

зайственной значимости (полезности) «части земной коры» как источника полезных ископаемых (Перчик, 2002) и т.д. Но все они представляются нам неубедительными и легко опровергаются правилами логического мышления (Гетманова, 2008). Основное требование логики к явному определению – его *соразмерность*, т.е. объем определяющего понятия должен быть равен объему определяемого понятия ($D_{fn}=D_{fd}$). В нашем случае это требование нарушается, поскольку определяющее понятие, выраженное родовым признаком («часть земной коры»), по объему явно уже, чем определяемое понятие («недра»). В результате возникает логическая ошибка типа «узкое определение» ($D_{fn}<D_{fd}$). Одновременно, нарушается закон тождества и отождествление различных понятий («недра» и «часть земной коры») приводит к другой логической ошибке, называемой «подмена понятия». Козьма Прутков в свое время остроумно отразил эту ошибку в известном афоризме: «если на клетке слона прочтешь надпись «буйвол», не верь глазам своим».

Понятно из вышесказанного, что анализируемая правовая дефиниция понятия «недра» нуждается в корректировке. Для этого прежде всего требуется получить четкое

представление о существенных признаках определяемого объекта, каждый из которых необходим, а все вместе достаточны, чтобы с их помощью можно было отличить данный объект от всех остальных и обобщить однородные объекты в класс (Гетманова, 2008). В предыдущей работе (Ибрагимов, 2010) мы выделили все такие признаки идентифицируемого объекта «недра» – два родовых признака («компонент природной среды», «природный ресурс») и три видовых отличия («подземное пространство», «составные части недр», «ресурсы недр») – и на основе различных подходов предложили несколько вариантов более корректной правовой дефиниции понятия «недра» (см. таблицу 2).

Наиболее приемлемый вариант дефиниции из указанных в табл. 2 получен в результате совмещения ресурсного и структурного подходов (№№2 и 3) и соответствует комбинированному подходу (№4). Его преимущество состоит в том, что он, во-первых, включает все существенные признаки определяемого понятия, т.е. в наибольшей степени отражает его содержание, и, во-вторых, позволяет ясно представить и обозначить подземный предел распространения суверенитета государства, о чем более подробно будет сказано ниже.

Таблица 2

Варианты правовой дефиниции понятия «недра»

Подход	Дефиниция понятия «недра»
1. Уточняющий	Недра – компонент природной среды, расположенный в подземном пространстве от нижней границы почвенного слоя (а при его отсутствии – от земной поверхности и дна водоемов и водотоков) до центра Земли.
2. Ресурсный	Недра – компонент природной среды, расположенный в подземном пространстве и содержащий полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы. Недра являются также природным ресурсом.
3. Структурный	Недра – компонент природной среды, расположенный в подземном пространстве и состоящий из земной коры, мантии и ядра Земли. Недра являются также природным ресурсом.
4. Комбинированный	Недра – компонент природной среды, расположенный в подземном пространстве, состоящий из земной коры, мантии и ядра Земли и содержащий полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы. Недра являются также природным ресурсом.

2. Пространственный предел распространения суверенитета государства

Стержневым элементом государственного суверенитета является территориальное верховенство (территориальный суверенитет), т.е. верховенство власти государства по всему *пространству*, составляющему его государственную территорию. Именно по этой причине мы предложили во втором предложении ст. 1 Закона АР «О государственной границе Азербайджанской Республики» (которое в существующей редакции имеет вид: «Государственная граница Азербайджанской Республики – территориальный предел государственного суверенитета Азербайджанской Республики») заменить предикатор «территориальный» на «*пространственный*». Но и это еще не все, поскольку не ясно, где конкретно находится и чем ограничивается этот «пространственный предел»? Высотный предел государственного суверенитета, т.е. предел его распространения по вертикали ввысь определяется в международном праве границей между воздушной территорией государства и космическим пространством (Жуков, 1966; Жуков и Колосов, 1999). Что же касается предела распространения территориального суверенитета в глубь земного сфероида, то по этому вопросу, не решенному каким-либо универсальным международным договором, в правовой доктрине выражены разные мнения, которые можно условно разделить на две группы: 1) недра не имеют ограничений по глубине; 2) недра имеют ограничение на определенной глубине.

Сторонником первой доктринальной позиции является, например, Ю.Н.Малеев. «Недра, находящиеся под сухопутной и водной поверхностями государств, – отмечает он, – не имеют ни в международном, ни в национальном праве каких-либо ограничений по глубине» (Малеев, 2000). Аналогичной точки зрения придерживаются Н.А.Ушаков (Ушаков, 1990), Л.А.Окуньков и другие исследователи. Им возражает профессор Н.А.Вылегжанин, приводя следующий достаточно убедительный аргумент: «На недра распространяется суверенитет соответствующего государства, а его действие не может быть безгранично в пространстве» (Вылегжанин, 2007; Вылегжанин, 2001). Действительно, если снять ограничение по глубине суверенитета одного какого-либо государства, то он теоретически мог бы быть распространен через центр Земли на участок ее поверхности,

принадлежащий другому государству с противоположной стороны планеты, а это, в свою очередь, могло бы быть расценено как действие, направленное против территориальной целостности этого государства (ст. 2 Устава ООН). Поэтому следует согласиться с этим автором в том, что недра, на которые распространяется суверенитет государства, должны иметь ограничения по глубине. Вопрос заключается не в том, имеются ли такие ограничения или нет, а в том, *на какой глубине* в соответствии с международным правом находится подземный предел территориального верховенства государства, в том числе и верховенства над недрами.

Этот вопрос является ключевым в рамках второй доктринальной позиции. Одни ученые-юристы, придерживающиеся данной позиции, считают, что «государственное пространство простирается в недра Земли на *технически доступную глубину*» (Клименко и Ушаков, 1975). Такой подход отражен даже в соответствующих законодательных актах Азербайджанской Республики, Российской Федерации, Казахстана, Украины, Белоруссии и других государств СНГ (Ибрагимов, 2010), где под «технически доступной глубиной» понимается «глубина, доступная для геологического изучения и освоения». Получается, что суверенитет государства в подземном пространстве, который, как известно, является полным и исключительным в пределах *строго ограниченной* государственной территории (Сухарев, 2007), ставится в зависимость от достижений научно-технического прогресса, которые постоянно «отодвигают» его нижний предел в глубь планеты, не затрагивая при этом огромный «пласт» недр ниже земной коры (т.е. мантию и ядро Земли), который оказывается как бы «ничейным». Понятно, что с юридической точки зрения не может быть: а) суверенитета с «плавающей» нижней границей; б) «ничейной» части пространства в пределах нашей планеты, особенно в современных условиях, когда идет непримиримая и порой очень жесткая борьба за обладание природными ресурсами – как реальными, так и потенциальными. Единственное исключение в последнем случае составляет, пожалуй, только Антарктика, суша и недра которой, согласно Договору об Антарктике 1959 г., не находятся и не могут находиться под суверенитетом какого-либо государства (Вылегжанин, 2007).

По этим причинам более убедительной

представляется точка зрения другой группы ученых-юристов, согласно которой «в состав государственной территории входит <...> все подземное и подводное пространство, ограниченное прямыми линиями (точнее будет: наклонной поверхностью. – В.И.), соединяющими (соединяющей) поверхлежащие государственные границы данного государства с центром планеты Земля, и включающее участки земной коры, мантии, внешнего и внутреннего ядра Земли» (Арбатов, Аренс и др., 2003; Лукашук, 1997). Геометрически такое пространство можно представить в форме конусообразного геологического тела «...с вершиной в центре земного шара и основанием в виде всей сухопутной и водной территории данного государства» (Клименко, 1964). Подобный подход на практике использует, например, американский законодатель. Как отмечает директор бюро управления ресурсами земли Министерства природных ресурсов США М.Клаусон, законодательство США с самого начала его формирования исходило из следующего правила: «право собственности на земельный участок распространяется на всю конусообразную часть земного шара, образованную поверхностью этого участка и радиусами, проведенными от его границ к центру Земли» (Clawson, 1970). На этот же применимый правовой принцип *ad caelum* указывает в фундаментальном исследовании «Право окружающей среды. От ресурсов до восстановления» и американский юрист С.Кэмпбелл-Мон (С.Campbell-Mohn, 1993). Такая точка зрения находит подтверждение в законодательстве США о природных ресурсах, в частности, в Законе о разработке металлосодержащих руд, где сказано, что «недра – это все, что находится глубже растительного слоя поверхности Земли (the surface vegetation) и почвы (soil)», независимо от того, доступно ли это «всё» для геологического изучения и освоения или нет.

В литературе отмечаются преимущества рассмотренного подхода к недрам американского законодателя (Дудыкина, 2008): а) по максимуму предъявляются притязания США на огромную часть планеты вплоть до ее центра; б) четко распространяются эти притязания (а значит и подземный суверенитет) на будущие столетия, защищая национальные интересы США при любом, самом фантастическом уровне развития горного дела. Указывается и на его недостаток: опасность

проникновения в более глубокие слои Земли из-за возможного негативного воздействия на происходящие там «эволюционные процессы». По этому поводу можно возразить, что и в глубинах Мирового океана, и на дальних просторах Солнечной системы также происходят «эволюционные процессы», но это не мешает человечеству в его деятельности по изучению и освоению этих пространств. Другое дело, что проникновение в недра Земли или активное воздействие на них с помощью геофизических методов и средств может происходить с враждебными для соседних государств целями. Например, возбуждение сейсмических волн с целью инициирования в нужном месте «искусственного» землетрясения (т.н. «тектоническое оружие»), создание искусственных устойчивых электромагнитных и акустических полей, нарушение естественного состояния литосферы, приводящее к эрозии, обезвоживанию и т.д. Но такие случаи предусматривает и предотвращает известная международная Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г. (Кукушкина, 2008).

Таким образом, существуют реальные предпосылки для практического использования подхода американского законодателя к недрам в отечественном законодательстве, чему будет способствовать предложенный нами вариант правовой дефиниции соответствующего понятия (№4, табл. 2), учитывающий «всё, что находится глубже растительного слоя поверхности Земли и почвы», т.е. все составные части недр – земную кору, мантию и ядро Земли.

3. Выводы

По результатам проведенного анализа и в порядке рассуждений *de lege ferenda* предложим нашу трактовку правовых норм, изложенных в ч. 2 ст. 11 Конституции Азербайджанской Республики и ст. 1 Закона АР «О государственной границе Азербайджанской Республики»:

- Суша, внутренние воды, принадлежащая Азербайджанской Республике часть акватории Каспийского моря (озера), а также воздушное пространство над ними и недра под ними – составные части территории Азербайджанской Республики.
- Государственная граница Азербайджанской Республики – это линия, очерчиваю-

щая сухопутную и водную поверхности государственной территории, и проходящие по этой линии вертикальная поверхность (по направлению вверх – до нижней границы околоземного космического пространства) и наклонная поверхность (по направлению вниз – до центра ядра Земли), определяющие рубежи государственной территории (суша, водные объекты, недра, воздушное пространство) и пространственный предел распространения государственного суверенитета Азербайджанской Республики.

Полагаем, что предложенная редакция указанных правовых норм более точно и полно отражает суть и содержание соответствующих базовых понятий отечественного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

- АРБАТОВ, А.А., АРЕНС, В.Ж., ВЫЛЕГЖАНИН, А.Н. и др. (под ред.). 2002. Правовой режим минеральных ресурсов. Геоинформцентр. Москва.
- БОГОЛЮБОВ, С.А. 1987. Юридическая терминология: вопросы синонимии. В кн.: *Проблемы совершенствования советского законодательства*. Труды ВНИИСЗ. Вып. 40. Москва.
- БОНДАРЧУК, В.Г. 1949. Основы геоморфологии. Учпедгиз. Москва.
- БОШНО, С.В. 2004. Правоведение. Эксмо. Москва.
- БРОУНЛИ, Я. 1977. Международное право. Кн.1. Прогресс. Москва.
- ВЫЛЕГЖАНИН, А.Н. 2001. Подземный предел распространения суверенитета государства. *Государство и право*, 8, 68-74.
- ВЫЛЕГЖАНИН, А.Н. (под ред.). 2007. Международно-правовые основы недропользования. Норма. Москва.
- ГЕТМАНОВА, А.Д. 2008. Логика для юристов. Омега – Л. Москва.
- ГОЛИЦЫН, В.В. 1983. Антарктика: международно-правовой режим. Международные отношения. Москва.
- ДУБОВИК, О.Л. 2006. Экологическое право. Проспект. Москва.
- ДУДЫКИНА, И.П. 2008. Правовой режим земной коры: вопросы взаимодействия международного и национального права. *Нефть, Газ и Право*, 2, 36-40.
- ЖУКОВ, Г.П. 1966. Космическое право. Международные отношения. Москва.
- ЖУКОВ, Г.П., КОЛОСОВ, Ю.М. (под ред.). 1999. Международное космическое право. Москва.
- ИБРАГИМОВ, В.Б. 2010. Недра и Закон «О недрах»: проблема соотношения понятий. *Нефть, Газ и Право*, 3, 46-57.
- ИГНАТЕНКО, Г.В., ТИУНОВ, О.И. (под ред.). 2008. Международное право. Норма. Москва.
- ИСМАЙЛОВА, С.Т. (под ред.). 1995. Энциклопедия для детей. Т.4: Геология. Аванта+. Москва.
- КЛИМЕНКО, Б.М. 1964. Государственные границы – проблема мира. Международные отношения. Москва.
- КЛИМЕНКО, Б.М., УШАКОВ, Н.А. 1975. Нерушимость границ – условие международного мира. Наука. Москва.
- КОКИН, В.Н. 2008. Соотношение категорий «недра» и «государственная территория». *Известия вузов. Геология и разведка*, 1, 62-65.
- КОКИН, В.Н. 2005. Недропользование: теоретико-правовой анализ. ООО «Нестор Академик Паблшерз». Москва.
- КОРОНОВСКИЙ, Н.В., ЯСАМАНОВ, Н.А. 2003. Геология. ИЦ «Академия». Москва.
- КОРОНОВСКИЙ, Н.В., СТАРОСТИН, В.И., АВДОНИН, В.В. 2007. Геология для горного дела. ИЦ «Академия». Москва.
- КРАССОВ, О.И. 2008. Экологическое право. Норма. Москва.
- КУКУШКИНА, А.В. 2008. Экологическая безопасность, разоружение и военная деятельность государств. URSS. Москва.
- ЛЕВИТЕС, Я.М. 1986. Общая геология с основами исторической геологии и геологии СССР. Недра. Москва.
- ЛУКАШУК, И.И. 1997. Международное право. Особенная часть. Москва.
- МАЛЕЕВ, Ю.Н. 2000. Территория в международном праве. В кн.: *Международное право*. Москва.
- МАМЕДОВ, Р.Ф. 2000. Международно-правовой статус Каспийского моря: вчера, сегодня, завтра. Часть II. Становление международно-правового статуса Каспийского моря с древнейших времен до 1991 года. *Центральная Азия и Кавказ*, 3, 1-12.
- МАМЕДОВ, Р.Ф. 2008. Особенности многосторонней делимитации водных пространств в соответствии с проектом Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. *Нефть, Газ и Право*, 1, 56-60.
- ОЖЕГОВ, С.И. 1988. Словарь русского языка. Русский язык. Москва.
- ОКУНЬКОВ, Л.А. Комментарий к Конституции Российской Федерации. www.vuzlib.net/beta3/html/1/14576.
- ПЕВЗNER, М.Е. 2006. Горное право. Изд-во МГТУ. Москва.
- ПЕРЧИК, А.И. 2002. Горное право. Изд. Дом «Филология Три». Москва.
- РЕЙМЕРС, Н.Ф. 1990. Природопользование. Мысль. Москва.
- СУХАРЕВ, А.Я. (Под ред.). 2007. Большой юридический словарь. Инфра-М. Москва.
- УШАКОВ, Н.А. (Под ред.). 1990. Курс международного права. Т.3. Наука. Москва.
- УШАКОВ, Н.А. Международное право. www.vuzlib.net/beta3/html/1/15379/15450.
- ХАИН, В.Е., АЛИ-ЗАДЕ, Ак.А. (под ред.). 2005. Геология Азербайджана. Т.IV. Тектоника. Nafta-Press. Баку.
- СƏFƏROV, İ.M. 2004. Azərbaycan Respublikası Konstitusiyasının şərhı. Hüquq ədəbiyyatı. Bakı.
- МƏMMƏDOV, R.M. 2000. Xəzərin beynəlxalq hüququ statusu haqqında. *AMEA Xəbərlər. Yer Elmləri*, 3, 29-34.
- CAMPBELL-MOHN, C. (Ed). 1993. Environmental Law. From Resources to Recovery. St.Paul, Minn.
- CLAWSON, M. 1970. Uncle Sam's Acres. Westport.
- OPPENHEIM, L. 1947. International Law. A Treatise. Vol.1: Peace. Sixth edition. London, N.Y., Toronto.